CARNIVAL POLITICAL CULTURE: A SYSTEMATIC ANALYSIS OF THE MAIN CATEGORIES

Paul L. Karabushenko (a)

(a) Astrakhan State University. Astrakhan, Russia. E-mail: Pavel_karabushenko[at]mail.ru
ORCID 0000-0003-2776-4089

Abstract

The political culture of modern ruling elites can be defined in one word, which is at the same time their common diagnosis - "carnival". Much has been written about the carnival, but the fact that such a political carnival is known mainly from journalism and memoirs. The carnival penetrates politics as political elites begin to get involved in gaming practices, adhere to double standards tactics and adopt conspiracy theories. If previously carnival political culture was an exception, now it is increasingly becoming a general rule. We can find in the media and in the scientific literature increasing criticism and accusations of politicians of involvement in the carnival political culture. Meanwhile a clear understanding of what the categories of carnival political culture are in the scientific literature has not yet developed. Each researcher interprets this phenomenon in his own way, investing in the categories in which it is described, his personal ideas and understandings.

The main participants and initiators of the political carnival are often representatives of elite groups. Therefore, carnival political culture can be considered as a kind of elite culture, when the elites or counter-elites lack their traditional means, and they start using carnival technologies. This work provides a systematic analysis of the main categories of carnival political culture, and the carnival political culture itself is interpreted as an alternative subjective reality opposed to political cultures of objective political reality.

Keywords

the elite; political culture; carnival; trickster; falsification; sacralization; satire; parody; laughter; caricature; myth

This work is licensed under a [Creative Commons «Attribution» 4.0 International License](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/)

КАРНАВАЛЬНАЯ ПОЛИТИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА: СИСТЕМНЫЙ АНАЛИЗ ОСНОВНЫХ КАТЕГОРИЙ

Карабущенко Павел Леонидович (а)

(а) Астраханский государственный университет, Астрахань, Россия.
E-mail: Pavel_karabushenko[at]mail.ru ORCID 0000-0003-2776-4089

Аннотация

Политическую культуру современных правящих политических элит можно определить одним словом, которое одновременно является и их общим диагнозом – «карнавал». О карнавале вообще написано много, но о том, что такое политический карнавал известно в основном из публицистики и мемуарной литературы. Карнавал проникает в политику по мере того, как политические элиты начинают массово увлекаться игровыми практиками, придерживаться тактики двойных стандартов и брать на вооружение конспирологические стратегии. Если ранее карнавальная политическая культура была исключением, то в настоящее время она все чаще становится общим правилом. Нередко в СМИ и в научной литературе можно встретить критику и обвинения политиков в причастности к карнавальной политической культуре. Между тем четкого понимания, что собой представляют категории карнавальной политической культуры, в научной литературе все еще не сложилось. Каждый исследователь по-своему интерпретирует это явление, вкладывая в категории, в которых оно описывается, свои личные представления и понимания.

Главными участниками и инициаторами политического карнавала зачастую всего являются представители элитных групп. Поэтому с полным основанием можно считать карнавальную политическую культуру разновидностью элитарной культуры, когда элитам или контрэлитам не хватает их традиционных средств, и они начинают использовать карнавальные технологии. Автор рассматривает особенности существующего многообразия карнавальной политической культуры. В настоящей работе он дает системный анализ основных категорий карнавальной политической культуры, а сама карнавальная политическая культура интерпретируется им как альтернативная субъективная реальность, противостоящая политическим культурам объективной политической реальности.

Ключевые слова

элита; политическая культура; карнавал; трикстер; фальсификация; сакрализация; сатира; пародия; смех; карикатура; миф

Это произведение доступно по [лицензии Creative Commons «Attribution» \(«Атрибуция»\) 4.0 Всемирная](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/)

ВВЕДЕНИЕ

Еще Платон, давая типологию политического лидерства, обратил внимание на существующий в политическом пространстве определенный тип политиков, вызывающий у всех презрение и смех: одни политики «походят на львов, - отмечал Философ, - некоторые - на кентавров и на другие подобные создания, [но] большинство же - на сатиров и на сходные с ними существа, слабые и изменчивые: они быстро меняют свой облик и свои свойства на другие» (*Политик*, 291a-b). Философ весьма точно подметил и подобрал для этого типа политиков эпитет – «сатиры» [*козлообразные* лесные существа] похотливы и падки на вино, разгул, секс, насилие и т.д., и т.п. Во все времена такие политики были наиболее опасными для общества, потому что ни за что не отвечали и были непредсказуемы в своей политической практике. Они – провокаторы хаоса, ниспровергатели морали и общих правил критического разума

В последнее время в оценках правящих политических элит и в характеристиках проводимой ими политики, все чаще начинают встречаться эпитеты и термины, близкие к тому о чем писал Платон и указывающие на особый тип политической культуры, который мы можем назвать, как «карнавальный тип»: «политический цирк», «театр абсурда», «клоуны», «паяцы», «политические комедианты», «мартышки во фраках», «ряженные», «лицедеи», «сатиры», «фрики», «фарс», «фарисеи», «шабаш», «карнавал» и т.д. Политические игры вокруг власти всё больше напоминают борьбу клоунов за арену. Политика и политики выродились и живут в мире собственных иллюзий, когда аплодисменты публики для них значат больше, чем решение реальных проблем. Глубочайшая неадекватность поражает их мозг, волю и совесть. И именно подобного рода неадекватность мы и рассматриваем в качестве проявления особенностей карнавальной политической культуры.

МЕТОДОЛОГИЯ

Карнавальная политическая культура рассматривается как аномальное отклонение от традиционных видов политических культур, описанных классиками этой теории еще в середине XX в. Навязывая свои культурные нормы, карнавал пытается подменить собой все политические институты, в том числе и само государство, власть, элиты... Политическая история знает немало примеров того как в результате государственных переворотов или демократических выборов к власти приходили лица, в последствии оцениваемые как карнавальные

персонажи. Своей «отрицательной гравитацией» они искажали политическое пространство, доводили до абсурда и неузнаваемости политические нормы и ценности. В силу указанных обстоятельств, *объектом* настоящей работы будет являться карнавальная политическая культура, а в качестве *предмета* - выступать ее основные категории. Перед нами стоит *задача*, не просто уточнить категориальный аппарат этого типа политической культуры, но и дать оценку его сущности. Решить поставленную задачу мы намерены посредством методов диалектики, герменевтики, компаративистики и семиотики.

Диалектический метод позволяет нам увидеть феномен элиты и элитности в его динамическом развитии, выявить существующие внутри и вовне противоречия. *Сравнительный метод* помогает систематизировать и типологизировать однородные явления, с последующим выходом на их всесторонний качественный анализ. *Герменевтика* позволяет вскрыть смыслы творческой активности субъектов элитных групп, которые создают о ней и себе тексты. *Семиотика* раскрывает знаковые системы, которыми пользуются элиты в процессе общения, вскрывает их коммуникационные связи. В настоящей работе использован весь комплекс указанных методов, с целью получения необходимого аналитического материала, в анализе конкретной элитологической ситуации (Карабущенко, 2020, стр. 18-19).

Для исследования карнавальных химер применим способ выборочной диагностики фрагментации, в ходе которого анализируются политические процессы, которые никогда самостоятельно (сами по себе) не становятся историческими фактами, а зависят в пространстве неопределенности, вызывая затруднения как аксиологических, так и моральных, и идеологических оценок. Поскольку карнавальная политическая культура представляет собой эклектику, то выяснение связей частей («фрагментов») в этом неким «общем» всегда весьма затруднительно. Если в нормальных политических культурах политический процесс имеет определенную схему развития (начальная фаза, центральная фаза развития, финальная фаза), то в карнавальной политической культуре «процессы» могут идти по какой угодно схеме, не имея ни начала, ни конца. Эклектика «съедает» системность, отдавая предпочтение фрагментарности.

Автор придерживается принципов, разработанных еще классиками элитологической мысли (Платон, Аристотель, Л.А. Сенека, Т. Карлейль, В. Парето, Н.А. Бердяев, Г.К. Ашин), относительно природы и сущности феномена элиты и элитности. Теоретико-методологическую базу исследования составляют работы как зарубежных, так и отече-

ственных исследователей, внесший существенный вклад как в развитии самой элитологической мысли, (В. Парето, Г.К. Ашин и др.) так и концепта карнавальной культуры. (М.М. Бахтин, С.С. Аверинцев, Д.С. Лихачев и др.). Хотя М.М. Бахтин специально не занимался природой политической карнавальной культуры, в отдельных его высказываниях проскальзывают идеи, относящиеся к рассматриваемой нами проблеме. Именно эти его намеки и оговорки мы и будем использовать в своем анализе особенностей карнавальной политической культуры. В работе также используется предложенная А. Тойнби модель анализа объективной действительности в режиме «прихода-и-ухода» творческого меньшинства, в процессе поиска им ответа на глобальные вызовы современности (Тойнби, 2001; 2002).

КЛАССИФИКАЦИЯ ПОЛИТИЧЕСКИХ КУЛЬТУР

В политической истории мы встречаем политические культуры, которые относятся к объективной политической реальности и обнаруживаем некую политическую культуру, относящуюся к ее субъективной части. В своей классификации типов политических культур мы отталкиваемся от уже существующих моделей, которые отражают сущность политической реальности. Но в политическом мире весьма часто встречается еще один тип политической культуры, который описывает реальность, выходящую за рамки объективного мира политики и не подпадающий ни под один из описанных политической наукой типов. Речь идет о карнавальной политической культуре.

Карнавальная политическая культура – историческое явление, уходящее своими корнями в глубокую древность. В политической истории мы постоянно наталкиваемся на следы присутствия этой культуры, и встречаем характерных его участников – исторические маски этих персон с веками не меняются, и мы легко можем их угадать и в наших современниках. Но, если в прошлом карнавал был фрагментарным состоянием политической культуры, то в наше время ему удалось вытеснить реальные политические культуры на периферию и занять главенствующие позиции.

Таким образом, в уточненной нами классификации политических культур можно выделить естественную и неестественную. К первой относятся все традиционные виды культур (описанные ещё Г. Алмондом и С. Верба) (Almond & Verba, 1963), ко второй – карнавальная культура. В чем неестественность (а, точнее, противоестественность) карнавальной культуры? Прежде всего, в том, что она является продуктом субъективной деятельности политических кругов, пытающих-

ся с ее помощью противопоставить естественной культуре некие выдуманные карнавальные формы, которые были бы заточены на конкретную власть. Корни карнавальной политической культуры восходят к традиции заигрывания власти с народом, когда первая для отвлечения и ослабления социального напряжения посредством подобных актов снимала с последнего социальную и политическую напряженность.

Хорошо известен подход Ю.М. Лотмана, который определял культуру как «внегенетический механизм» наследования социального опыта. С этой точки зрения карнавальная политическая культура будет означать наследование отрицательного политического опыта и отрицательной селекции элит. Причем этот опыт тоже передается «по наследству» и воспроизводится в виде традиции коррупционных схем, избирательного отношения к праву, проявления патриархальных норм и т.д.¹. Напомним, что Г. Алмонд и С. Верба представляли политическую культуру как «специфическое распределение типов ориентаций (patterns of orientations) по отношению к политическим объектам среди членов той или иной нации» (р. 13). Первоначально Г. Алмонд вообще считал, что введенный ими в 1956 г. термин «политическая культура» понимается «как специфические модели ориентаций на политические действия» (Almond, 1956, p. 396).

В традиционном понимании карнавал - это праздник, создающий временную альтернативную реальность, в которую все добровольно погружаются, пребывая в измененном сознании; карнавал – это временное искажение объективной реальности, когда она добровольно погружается в глубины субъективизма. Но политическая карнавальная культура пытается продлить это временное состояние и сделать его постоянным. Для этого ей требуется определенный тип политиков и конкретные политические технологии, доминанция которых в политической жизни того или иного общества и политической системы будет указывать на устойчивость категорий карнавальной политической культуры в этих существующих политических практиках.

ОСОБЕННОСТИ КАРНАВАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ

Для расшифровки сущности карнавальной политической культуры мы будем опираться на теорию карнавала предложенную М.М.

¹ Обобщая все существующие в настоящее время подходы, Г.Л. Тульчинов определяет культуру «как систему порождения, накопления, хранения, передачи социального опыта». «Культура упорядочивает деятельность человека тем, что фиксирует конкретные нормы – правила этой деятельности по достижению целей» (Тульчинов, 2018, стр. 10).

Бахтиным (1895 - 1975), который утверждал, что в концепции карнавала обнаруживается категорическое противопоставление его официальному празднику и всей системе традиционной власти в целом. Эта оппозиция несет в себе определенную ценностную нагрузку, утверждающую, что все официальное является устаревшим, отжившим, застывшим, несущим неправду и насилие и, напротив, все карнавальное представляет собой нечто новое, живое и свободное. Правда жизни перемещается из реальности в карнавал².

Говоря о карнавальности, как о некоей сумме отличительных чертах и свойствах карнавальной культуры, мы должны помнить, что вслед за изменчивой природой карнавала меняется и сам набор всех этих его черт. У каждого карнавала может быть свой уникальный код – набор наиболее активных в данный момент и при данных условиях констант. Классическое описание такой карнавальной культуры было дано выдающимся советским философом и культурологом М.М. Бахтиным в его работе «Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса» (1965).

Описывая современные политические элиты в категориях бахтинской теории карнавальной культуры, мы подчеркиваем не только снижение профессионального уровня субъектов правящих политических элит, но и их крайнее легкомысленное отношение к выполнению своих прямых обязанностей. Человек власти понимает выполнение своих прямых обязанностей как некое ритуальное действие, ставящее его в круг избранных, где вся окружающая его публика является зрителем его культовых действий. Карнавал превращает культуру обратно в культовое действие, конструируя из нее новый культ.

Как показывает политическая история, элиты способны превратить трагедию в праздник. Сам карнавал может служить отвлекающим маневром их политики. «Официальный праздник, в сущности, смотрел только назад, в прошлое и этим прошлым освящал существующий в настоящем строй. Официальный праздник, иногда даже вопреки собственной идее, утверждал стабильность, неизменность и вечность всего существующего миропорядка: существующей иерархии, существующих религиозных, политических и моральных ценностей, норм,

² Для справедливости отметим, что например, германская школа карнаваловедения в 1990-х гг. недоверчиво отнеслась к бахтинской версии происхождения карнавала. «Бахтина упрекали в том, что он отталкивался от ленинской идеи о наличии в классовом обществе двух культур, что он представил некую теорию карнавала, не дав ее истории. (Впрочем, и русский оппонент Бахтина А.Я. Гуревич считает бахтинскую концепцию "скорее мифологией карнавала и смеховой культуры, нежели их действительной историей", - что не лишено доли истины, особенно в отношении немецкого карнавала)» (Колязин, 2002, стр. 90).

запретов. Праздник был торжеством уже готовой, победившей, господствующей правды, которая выступала как вечная, неизменная и непререкаемая правда» (Бахтин, 1990, стр. 14). Организовывая праздник, власть демонстрирует свою стабильность и способность управления.

Карнавал есть совокупность всех действий, калейдоскопичность которых указывает на его динамику и эклектику. Карнавал представляет собой время снятия официоза, отмены этикета, как окостенелой формы этики. Это время неформальных отношений по сугубо формальной схеме. «В противоположность официальному празднику карнавал торжествовал как бы временное освобождение от господствующей правды и существующего строя, временную отмену всех иерархических отношений, привилегий, норм и запретов. Это был подлинный праздник времени, праздник становления, смен и обновлений. Он был враждебен всякому увековечению, завершению и концу» (Бахтин, 1990, стр. 15). Мы бы добавили, что карнавал есть праздник всего временного, постоянно уходящего и приходящего вновь.

Обывателем карнавал воспринимался и оценивался как нечто подлинное, истинное и самое лучшее, что может случиться в их повседневной тусклой жизни. Карнавал, указывал М.М. Бахтин, «это вторая жизнь народа, организованная на начале смеха. Это его праздничная жизнь. Праздничность – существенная особенность всех смеховых обрядово-зрелищных форм средневековья» (Бахтин, 1990, стр. 13). Карнавал давал обывателю ложное ощущение изменения в жизни – новизна была видна, традиция оказывалась ею замещена, но от этого она не утрачивала свою силу как объективной реальности.

Основными чертами карнавала Бахтин считал универсальность, амбивалентность, неофициальность, утопизм, и, конечно же, смех. «Карнавал не созерцают, – в нем живут, и живут все, потому что по идее своей он всенароден. Пока карнавал совершается, ни для кого нет другой жизни, кроме карнавальной. От него некуда уйти, ибо карнавал не знает пространственных границ. Во время карнавала можно жить только по его законам, то есть по законам карнавальной свободы. Карнавал носит вселенский характер, это особое состояние всего мира, его возрождение и обновление, которому все причастны» (Бахтин, 1990, стр. 12).

В карнавальной культуре большое место занимает смех. Исследователи отмечали, что смех является одновременно и разрушителем, и созидателем настоящего мира. Посредством смеха человек обличает и высмеивает все плохое. Посредством смеха обнажается несправед-

ливость. Смех создает мир свободный от несправедливости, строя таким образом антимир, где отвергнуты господствующее социальное неравенство и несправедливость (Лихачев, 1984, стр. 38). Главное в смехе – освобождение. И смеющийся над всеми и над всем карнавал есть мир и время свободы. Смех является своего рода взрывом, который захватывает и увлекает все человеческое естество (Аверинцев, 1992, стр. 8). Взрывной характер феномена смеха, объясняется совершаемым в этот момент переходом человека от несвободы к свободе, характеризует его освобождение от традиционных норм и догм. Поэтому в этот момент смех может носить агрессивность, быть разрушающим началом.

По мере всего прочего, карнавал отменял на время все иерархические отношения, т.е. он шел на прямую нарушение существующего в мире порядка: «... на карнавале все считались равными. – Отмечал М.М. Бахтин. - Здесь – на карнавальной площади – господствовала особая форма вольного фамильярного контакта между людьми, разделенными в обычной, т.е. внекарнавальной, жизни непреодолимыми барьерами сословного, имущественного, служебного, семейного и возрастного положения» (Бахтин, 1990, стр. 15). Карнавальность устанавливает ложное равенство, скрывая естественные социально-политические и антропологические различия.

Карнавал - это и путь в параллельную реальность, и сама параллельная реальность, и агрессивное разрушение основ объективной реальности. То, что он представляет собой средство борьбы с объективной реальностью, карнавал заявлял с самого начала. По своему характеру карнавал распадается на множество отдельных и часто весьма условно связанных между собой актов. Он является торжеством эклектики, поэтому всегда носит антисистемный характер. В нем есть лишь общая заданность. Общая направленность и не более того. Карнавал лишь производит впечатление некоего единого целого. Но это впечатление есть часть его маскировки, есть его мимикрия под объективную реальность. У руководителя карнавала постоянно меняются планы. Поэтому можно констатировать, что никакого плана на самом деле у него нет. Карнавальная культура есть превращение праздника в будни, когда праздник вытесняет «серые будни» и объявляет себя единственной объективной реальностью. Для животного нет ни праздников, ни будней, а есть лишь бесконечно длящаяся повседневность. Карнавал стремится к тому, чтобы стать праздником навсегда, т.е. слить воедино будни и праздник. Такой бесконечный карнавал фактически уподобляет нас животному, но только наоборот – вечно

веселящееся животное. Для карнавальных политических элит праздник – это одновременно и свадьба и похороны, потому что они везде хотят быть главными. Другой вопрос – насколько это у них получается?

М.М. Бахтин считал, что специфика карнавала в его постоянном обновлении – в бесконечности импровизации, которая усиливает хаос эклектичности. Импровизация воспринимается как свобода действия. Но эта свобода дана субъекту только в рамках карнавала. За его пределами эта свобода оказывается иллюзией, оказывается фикцией. Карнавальное мироощущение «враждебное всему готовому и завершённому, всяким претензиям на незыблемость и вечность, требовало динамических и изменчивых, играющих и зыбких форм для своего выражения. Пафосом смен и обновлений, сознанием веселой относительности господствующих правд и властей проникнуты все формы и символы карнавального языка. Для него очень характерна своеобразная логика «обратности», «наоборот», «наизнанку», логика непрестанных перемещений верха и низа, лица и зада, характерны разнообразные виды пародий и травестий, снижений, профанаций, шутовских увенчаний и развенчаний» (Бахтин, 1990, стр. 16).

Карнавал есть также и упрощение всего. Он выдает себя за простеца. Но этот простец есть скрытый бунтарь. Карнавал есть протест, бунт против реальности. Ещё А. Камю указывал на то, что «метафизический бунт предполагает упрощенное видение мироздания» (Камю, 1990, стр. 139). Всё что раньше имело в своей цветущей сложности систему, карнавал упрощает и доводит до примитивизма. В этом смысле *карнавал есть упрощенная сложность*. Сложность его заключается в том, что каждый может домыслить его так, как ему вздумается. И этот многократно умноженный субъективизм и есть главная сложность карнавальной культуры.

Своим смехом карнавал преодолевает царящее в мире зло. Смех служит неким социальным лекарством. Несмотря на некоторые критические расхождения с М.М. Бахтиным, А.Ф. Лосев отмечал, что смех «излечивает все горе его жизни, он делает его независимым от объективного зла жизни, он дает ему последнее утешение, и тем самым он узаконивает всю эту комическую предметность, считает ее нормальной и естественной, он совершенно далек от всяких вопросов преодоления зла в жизни» (Лосев, 1978, стр. 523). Он называет этот смех «сатанинским», в то время как Бахтин ограничивается эпитетом «карнавальный». Политический карнавал может действительно переходить в фазу сатанизма, высвечивая абсолютное политическое зло. Шабаш партийных нацистских съездов (факельные шествия, языче-

ские ритуалы, сжигание запрещенных книг и т.д.), многими исследователями германского нацизма, оценивается именно как сатанинский карнавал, направленный на сплочение масс вокруг элитарно центра (Пленков, 2009).

Малой формой карнавала является т.н. плутовской (или «пикаренский») роман. Истоки этой традиции восходят еще к временам Античности («Сатирикон» Петрония и «Золотой осел» Апулея). Во многих произведениях средневековья мы можем встретить черты этой сатиры на объективную реальность, которая позволяла читателю создать свой собственный «малый карнавал» во время чтения таких произведений (как, например, «Декамерон» Боккаччо) (Пискунова, 2008).

В культурном плане карнавал является мощным двигателем театрального прогресса, поскольку позволяет опробовать различные формы и средства реализации идеи игры. Специалисты отмечают, что «европейская сцена время от времени переживала мощные волны карнавализации... И сегодня карнавал и различные карнавальные формы являются мощным генератором идей современного театрального мышления» (Колязин, 2002, стр. 88).

Если мы переведем типологию карнавализации М.М.Бахтина на язык современной политической науки, то получим следующее. Признаками карнавализации политики являются: 1) зависимость от процедурно-церемониальной части политики; 2) стремление использовать с серьезным видом несерьезные и логически невозможные (бессмысленные) «смыслы»; 3) упрощение профессионального языка (элементы фамильярно-площадной речи, граничащие с вульгарной формой и бранью) (Бахтин, 1990, стр. 8-9, 16); 4) «игра словами» - подмена и извращение значений; 5) десакрализация власти, когда т.н. «власть» становится карикатурой на власть; 6) мифологизация политики, когда мифы выдаются за реальность; 7) окончательный уход элит по ту сторону морали. Таким образом, карнавализация в политике - это ситуативный перевод знаний современной политической науки и его вольная адаптация к текущим политическим событиям³.

В карнавальной культуре действуют неправильные силлогизмы, которые разрушают какой-либо смысл. Создаваемые по таким правилам тексты, демонстрируют непредвиденные случаи (т.е. разрушения)

³ Известно, что М.М. Бахтин использовал карнавализацию, для обозначения воздействия античных и средневековых народных празднеств и обрядовых действий («карнавала») на образно-символическое мышление, творческую память и авторство, во вне карнавальных, вне коллективно-народных и вне официальных условиях культурного творчества конкретной исторической эпохи.

для правильного силлогизма (Lesjeux, 1962). Главная цель – потеря смысла. Ещё М. М. Бахтин отмечал, что слова и предложения вне их жанрового контекста нейтральны и бессмысленны (Бахтин, 1979, стр. 260). У исследователя нет возможности выхода на общий смысл текста. В отличие от обычного силлогизма, где вывод из противоречивых посылок невозможен, в поэтическом он возможен всегда в силу находчивости главного героя (Аверинцев, 2004, стр. 109).

СЮРРЕАЛИЗМ КАРАНТИНА

Карнавал есть сверхреальность в том смысле, что находится за пределами объективной реальности. Но этот сюрреализм («*surréalisme*») может быть как сверху, так и снизу, как слева, так и справа. Карнавал есть выход за рамки действительности. Поэтому мы и вывели карнавал из классической типологии политических культур Г. Алмонда и К^о. Он оказывается внесистемной политической культурой; параллельной субъективной реальностью; надреальной сферой «обитания» субъектов, имеющих склонность и потребность в такой измененной среде. Пропитываясь ценностями карнавальной культуры, политики начинают мыслить и действовать категориями сюрреализма. Они становятся носителями этих культурных кодов, полагая, что все и всё должны быть им подобными

Основатель сюрреализма французский поэт Андре Бретон (1896 – 1966) утверждал, что сюрреализм открывает перед человеком возможность прожить несколько жизней одновременно: «и он целиком погружается в эту иллюзию; он хочет, чтобы любая вещь давалась ему предельно легко, немедленно» (Manifesto, 1924). Человек возвращается в состояние вечно играющего детства, когда детские иллюзии замещали и вытесняли из его сознания категории объективной реальности. Желание ребенка превратить свою жизнь в бесконечную игру. И когда кто-то из этой чужеродной объективной реальности ему мешает играть, он протестует и проявляет агрессию.

Сторонники карнавальной культуры уповают на богатство своего воображения. «Милое воображение, за что я больше всего люблю тебя, так это за то, что ты ничего не прощаешь» (1924). А. Бретон провозглашал, что искусство начинается, когда швейная машинка встречается с зонтиком на операционном столе (а такие встречи регулярно происходят в карнавальном калейдоскопе). Сюрреализм – это хроническое нарушение авторского права. Как известно, первейшей целью сюрреалистов было обретение духовного совершенства, возвышения и отделение духа от материального мира. И основополагающими цен-

ностями здесь были свобода и иррациональность. Традиционно сюрреалисты работали без оглядки на рациональную эстетику. Вместо нее они использовали фантасмагорические формы эротика, ирония, магия и подсознания.

В понимании сущности карнавальной политической культуры сюрреализм играет определяющую роль. Карнавал пропитывается сюрреализмом насквозь. Известно, что в основе *сюрреальности* лежит эклектическое совмещение фантазии и реальности. Причем соединение это имеет форму абсурдности, противоречивого сочетания различных образов посредством коллажа и технологии «*ready-made*». Сюрреалисты воспринимали искусство как акт освобождения от «проклятий» неправильного мира объективной реальности (Brodskaja, 2009). Для достижения наивысших творческих высот сюрреалисты использовали воздействия гипноза, алкоголя, наркотиков или голода. Они полагали, что данные «стимуляторы» помогают достичь глубин своего подсознания. Идея освобождения понималась и как получение политиками свободы от пут политической необходимости. О связи политики и сюрреализма написано немало критических работ (Rosemont, 1989, pp. 31-47).

Реальная политика подменяется символизмом новой морали. Но новые символы оказываются несостоятельными из-за пустоты этой новой морали. Новая мораль на самом деле оказывается аморальностью. В ней «новое» есть только отрицание старого. При таком раскладе злодей становится героем, сакральной фигурой и т.д. Новая мораль – удобная тема для того, чтобы быть аморалистом. Но все сторонники пересмотра всех ценностей (все поклонники ницшианской концепции сверхчеловека), отвергая мораль как узду человека, шли к его сверхсущности, но, как правило, приходили и превращались в скотов. Карнавальная политическая культура и есть оскатинивание человеческой природы. Полное отсутствие морали низводит человека до уровня скота. А современные политические элиты (особенно «прогрессивного» западного мира) давно уже перешли красную черту морального запрета.

Сюрреализм также утверждает отрицание потребности приспособить собственную жизнь к смехотворным условиям земного существования. По мнению А. Камю, «требование абсолютной свободы завершается теорией бесцельного действия» (Камю, 1990, стр. 189). Действительно, во время карнавала редко когда действия достигают своей цели. Как правило, это оборванные и забытые акты. От этих актов остается только их шум. Но даже и этот шум уже мало кого инте-

ресует. Участники карнавала заняты новым шумом, на тот момент превосходящий по звуку шум прежнего события.

Как маскарад карнавал калейдоскопичен в смене образов. Зритель осознает, что попал на карнавал, тогда, когда обнаруживает и понимает, что все с кем он общается, носят конкретные маски. Их лица подменены личинами, узнать за которыми реального человека не всегда удается.

Всё это указывает на то, что карнавальная культура основана на играх безумия. Его участники живут иллюзией, что всё у них получается, что всё хорошо или даже прекрасно. Свою бутафорию при этом они принимают за реальность. Это все равно, что *тушить реальный пожар игрушечным брансбойтом*.

СТРУКТУРА, ТЕЗАУРУС И ТИПОЛОГИЯ ПОЛИТИЧЕСКОГО КАРНАВАЛА

В структуре политического карнавала можно выделить три стадии его развития, которые отличаются по мере полноты проявления самой карнавальной политической культуры: 1) политический цирк; 2) политический балаган и 3) театр абсурда.

Политический цирк – первая стадия развития политического карнавала, когда осуществляется незаметный переход политической реальности в карнавальную культуру (часто характеризуемую как «бардак»). Его пока еще в серьез никто как карнавал не воспринимает и политический цирк в силу своей незрелости может еще вернуться к нормальной политической реальности. Но при дальнейшем росте карнавализации политический цирк переходит в политический балаган, в котором еще больше проступает карнавальность политики.

Политический балаган – вторая фаза развития политического карнавала, кратковременная вспышка карнавальности, когда стремительно нарастают ее признаки и уже теряется спасительная перспектива возврата к нормальной политической культуре. С ростом балаганного в политике он становится театром абсурда.

Театр абсурда – долговременная постановка, стабилизация карнавальной политической культуры. Составными частями театра абсурда являются частные случаи – политические цирки и политические балаганы. Если политический цирк и политический балаган – это неполноценный политический карнавал, то театр абсурда это уже сто процентное карнавальное политическое действие.

Таким образом, политический карнавал представляет собой попеременное сочетание политического цирка, политического балагана и театра абсурда.

Политическая карнавальная культура – «система» антиценностей, при помощи которых опровергается ценности и нормы классической политической культуры.

Политический карнавал – процесс агрессивного развития политической карнавальной культуры, с целью ниспровержения одних и утверждения других политических лидеров и их элит.

Карнавализация – трансформация нормы в антинорму; нарастание в политической системе тенденций карнавальной политической культуры.

Еще один термин, который нас может заинтересовать – это *политическая клоунада*, который характеризует собой сумму субъектов политического карнавала, пул («*pool*») наиболее активных игроков.

Дальнейшее уточнение этих категорий мы будем делать уже по ходу рассматриваемой темы. Теперь, несколько слов о типологии политического карнавала.

В типологии политического карнавала мы видим два его вида: а) по времени: 1) *карнавал одномоментный* (который длится «от и до») и 2) *карнавал перманентный*, который никогда не останавливается, а длится все время существования его участников, активизируясь время от времени; б) по характеру протекания процесса: 1) *спокойный* (рутинный), подменяющий собой суть объективной реальности и 2) *бунт* – карнавал кризиса (митинги, демонстрации, погромы, вандализм и т.д.).

Рутинный политический карнавал есть затяжной процесс искажения посредством манипуляции и фальсификации объективной действительности. Иное дело бунт. *Бунт* представляет собой крайнюю точку политического карнавального шаша, его экстрим. Почему бунт мы рассматриваем как карнавал? Потому, что он так же как и карнавал нарушает все законы и нормы прежнего мира. Бунт – это тоже «праздник» для бунтующего и трагедия для тех, кто стал его жертвой. Но жертвы бунта до него были хозяевами жизни, подавляя тех, кто поднял затем против них этот самый бунт. Как средство борьбы за власть, бунт является катастрофой для старой власти и праздником для тех, кто посредством бунта пришел к власти.

АНАТОМИЯ ПОЛИТИЧЕСКОГО КАРНАВАЛА

Карнавальная политическая культура (КПК) основана на традиции осмеяния власти, как скопища глупых ничтожных людишек, лишённых всякой сакральности и общественного уважения. Одновременно она представляет собой и скрытую карикатуру на политику, активно имитирующую свою профессиональную деятельность⁴. Политический карнавал – это последний парад смертельно больной политической системы. Информационное пространство заполняется бессмысленной риторикой, когда крикливая форма забывает и без того бедное содержание. Отсутствие смысла есть главное условие возникновения политического карнавала. Когда серьёзная политика приводит к нулевому результату, то весь этот гам оказывается не более чем театральной шумихой, внутри которой сидят карнавальные традиции балагана. Поэтому, *все, что мы говорим о сущности политического карнавала, должно браться нами в кавычки и рассматриваться с известным допуском иронии и сарказма.*

В качестве феноменологической основы политический карнавал имеет, несколько своих культурных кодов. Это и: публичный отход от морали, под предлогом поиска и признания новых ценностей и смыслов; это и вера в собственную непогрешимость и правоту, с параллельной демонизацией противника; это и уход от реальности в мир иллюзий; это и утверждение желаемого, как действительного. Наконец, *карнавальная политическая культура – это клиповая фрагментация на платформе постмодернизма.*

Отдельные элементы карнавальной политической культуры существуют в политике всегда и находятся в ней постоянно. Все зависит от меры их концентрации и степени агрессивности. И главным условием их присутствия является склонность политиков к аморализму и фальсификации. Этими двумя условиями в основном и питается политический карнавал. Пренебрежение моральными ценностями ставит политика вне человеческого общества, где мораль является важнейшим родовым признаком человека, а склонность к фальсификации создаёт благоприятные условия манипулятивной практики. Мир политиков – это мир правдоподобия. В политическом карнавале объединяются различные потоки лжи, которые без него струились разроз-

⁴ Как карикатура карнавал есть постоянный смех, экзальтация юмора. Карнавал есть определенная форма бытия юмора. Не всем политикам доступно чувство юмора. Они (политики) сами могут и не смеяться, оставаться серьезными и для себя глубокомысленными, но публика может воспринимать и оценивать их действия как пародию на политику и власть.

ненными ручейками и были сами по себе малопримечательными и незначительными.

Особенностью карнавальной политической культуры заключается в непрерывном переворачивании смыслов и значений бинарных оппозиций. Ключевые идеи и узловые смыслы меняются местами. Происходит инверсия («*inversio*») сущностей. Нарушается привычный порядок акцентов, которые смещаются и перестают соответствовать ранее признанным нормам. Достаточно порой бывает изменение одного порядка смыслового акцента и ситуация может измениться в корне, стать неузнаваемой.

Карнавал без карнавальности не существует. Карнавальность возникает там, где система начинает идти в разнос, разрушая свои связи с реальностью, вызов которого они преодолеть не могут, в силу своей профессиональной недееспособности. Карнавальность возникает там, где политикам приходится фальсифицировать себя самих, т.е. мистифицировать свою собственную профессиональную элитность. Такие субъекты политики лишь по названию являются «политиками», по сути они «псевдо-», «квази-», «лже-», «анти-», «сюр-» и т.д. Такие политики готовы пойти на все: *когда им надо, политики могут и по потолку бегать, а когда нам надо - бесследно исчезать, пропадать, растворяться...* Так, что же такое политический карнавал?

Политический карнавал – формализация всех сфер властных отношений, когда форма становится важнее содержания, а реальный факт подменяется мифом. Политический карнавал это торжество ложных «фобий» и надуманных «филий». Если вслед за В. Шекспиром сравнивать политику с театром, то этот театр будет начинаться с виселицы (вешалки), на которой повешен здравый смысл, режиссером в нём будет трикстер, актерами – политические шуты (ложные субъекты элиты), текстом пьесы будет выступать миф, а в роли критика – фальсификация. Причем каждый участник такого карнавального действия будет свободен в выборе не только самого текста пьесы, но и смены порядка сцен и самих правил игры. При этом сама их пьеса может проходить где угодно – начаться в туалете, а завершится на сельском кладбище. Это мир тотальной неопределенности и перманентной смены декораций. Политический карнавал развивается по вариативному сценарию, в котором заложен хаос как вдохновляющая сила. В этом постоянно меняющемся сценарии одна и та же сцена может многократно переписываться в угоду тех или иных интересов.

Политический карнавал представляет собой парад оксюморон, шабаш фейков, разгул элитарного лицемерия и праздник хаоса (суэта

сует); это деградация профессионализма и низведение его в кустарщину. Но самое главное то, что карнавал - это имитация творчества. Имитация потому, что является торжеством примитивных вкусов и стихийно возникающих ложных ценностей, не способных преодолеть проверку временем. Все что создает карнавал в процессе своей жизнедеятельности, отмирает.

Политический карнавал – многоликая фантазия двуличной морали. Для карнавала важную роль играет визуализация (Robertson, 1989). В карнавале преобладает визуализация образов, символов, настроений, переживаний. Для его участников оказывается парадная картинка важнее содержания. Содержание не важно, важно развлечение. Поэтому форма и всё формальное всегда довлеет над смыслом. И карнавал создает для этого все удобства и определенный комфорт. Карнавал дает визуализацию желаний. Он формально материализует мысли своих участников в действительность или притягивании в собственную жизнь желаемого. Посредством визуализации субъекты карнавала свое мысленное представление вожаемого события или мечты проецируют свое видение в виде образной картинке на так называемом «внутреннем экране». Специалисты считают визуализацию желаний мощнейшим орудием в достижении поставленных целей. И карнавал предлагает свои алгоритмы для реализации этих практик.

Карнавальная политическая культура предполагает свой вариант некой «истинной реальности», который предусматривает и новую систему ценностей. Ещё П.А. Сорокин утверждал, что западная цивилизация весьма легко переходит из одной системы истинной реальности к другой. Действительно карнавал представляет собой особую культуру некой новой реальности, которая устраивает организованное агрессивное меньшинство и которое оно активно навязывает публике.

В качестве специфических особенностей карнавальная политическая культура следует назвать имитацию и даже пародийность на культовые (классические) формы политики. Конструирования иной сферы бытия, которая лишь кажется, но не является реальностью (Бахтин, 1990, стр. 11). Карнавализация понималась как процесс перевода («транспонировка») обрядово-символического языка «карнавальной жизни» и «карнавального мироощущения» на язык словесно-художественных образов, более или менее индивидуализированного воображения автора-творца.

Помимо всего прочего политический карнавал формирует параллельную негативную сакральность, которая оказывается наиболее удобна для власти и поддерживающих ее избирателей. Карнавал ста-

новится альтернативной реальностью, которая конструирует их особый мир. Это придуманный мир, с придуманными и навязанными обществу ценностями. Карнавал превращается в явь, материализуется по мере того, как элиты начинают активировать и адаптировать его категории к своей повседневности. Когда карнавальная политическая культура становится повседневностью, реальность начинает отступать на далёкий задний план.

Карнавальная политическая культура указывает на то, что политический карнавал может существовать только в условиях тотальной пропагандистской кампании – он не карнавал, если не будет постоянно кричать, вопить, давить своими утверждениями и возмущать фейками публику⁵. Поэтому ещё одной категорией карнавальной политической культуры является фальсификация, которая искажением истории, открывает большой простор для манипуляции настоящим и конструирования утопического будущего. Карнавал есть тотальное манипулирование не только политикой и гражданами, но и историй, культурой, мировоззрением. Фейки замещают собой реальные проблемы, выдают желаемое за действительное. Фактически природа фейков носит накопительный характер – она накапливают нерешенные проблемы, тем, что заставляют вместо этого всех решать выдуманные задачи и несуществующие затруднения.

Политический карнавал возникает там, где ломается логика объективной реальности, и политики начинают бегать по потолку. То, чем занимаются организаторы и участники политического карнавала можно охарактеризовать как занимательная тавтология – бесконечная по своему повтору и бессмысленная по своему содержанию имитация развития. *Там, где ломается логика, возникает мифология.* Именно на мифах держится и мифами живет политический карнавал.

Не удивительно, что политический карнавал становится комедией ошибок. Но эти ошибки не всегда оказываются безболезненными. Источником смеха здесь является возникающий из несоответствия формы и содержания комизм, способный снять напряженную атмосферу, разрешить мирными средствами кризисную ситуацию (Дмитриев & Сычев, 2005, стр. 114-135). Как средство развлечения (шоу)

⁵ В отличие от фальсификации, которая есть утвердившаяся в общественном сознании ложь, фейк, как её разновидность, отличается крайне неустойчивой гносеологической формой – его, как правило, в 99 случаях разоблачают и тут же о нём забывают. Фальсификация есть долгоиграющая схема «истин», которые утверждаются в догматической форме, имеют свои «научные» формулы, как мантры повторяемые всякий раз по мере необходимости. В качестве наиболее часто применяемой такой схемы можно назвать русофобскую традицию или догмат об англосаксонской культурно-исторической расовой исключительности.

карнавал должен постоянно держать внимание зрителей в напряжении, постоянно привлекать к себе внимание, подпитывать интерес к своему действию. Поэтому доводить реальное до абсурдного – самое простое средство спасения от скуке тех, кто потерял себя в объективной действительности.

Другой чертой карнавальной политической культуры является распространение *антиморали*, система ценностей которой является враждебной традиционной морали. Современные политические элиты перешли за грань бесстыдства и давно уже вернулись в средневековое варварство. Политические элиты и раньше находились по ту сторону морали, но делали это как-то скрытно, «стыдясь» своего аморализма. Нынешнее поколение элит посчитало, что в условиях постмодернизма они могут обойтись без морали, создав для своего пользования ее ложную копию. Опускать моральную планку и играть на низменных чувствах, становится нормой для подобных элит. Дурновкусие оказывается заказчиком тех, кто пытается продать пошлость (гадость) в качестве некой новой ценности.

Отличительной чертой карнавальной политической культуры является *черный юмор*. Само наличие черного юмора указывает на то, что индивид и общество переступили через какой-то порог запретов, получили дозволенность там, куда ранее они не вторгались. Черный юмор – порог экзистенциального кризиса. Теряется чувство защищенности. Все, чтобы выжить, становятся циниками. Смех помогает выдерживать тяжесть жизни. Самое главное не показывать свою слабость. Посредством смеха забываются тяжелые будни. Человек отказывается от проблем, особенно тех, которые сам решить не в состоянии. Страх перед реальностью толкает в объятия абсурда. Страх и стыд создают большую напряженность в человеке и он стремится к тому, чтобы выпустить отрицательную энергетику из себя.

Карнавал в своей крайней точке перерастает в кровавую вакханалию. Апогей карнавала является *балаганный шторм*, наивысшая точка «кипения» лжеполитических страстей. Она способна снести сам карнавал, поломать и разметать все его политические конструкции. В политической истории есть два варианта исхода балаганного шторма: 1) когда силам реальной политики удастся прекратить его шабаш и вернуть ситуацию в русла нормальных политических культур поведения (так, например, приход в октябре 1917 г. к власти большевиков многими расценивается, как окончания того политического балагана, который был создан Временным правительством в условиях неуправляемого хаоса) и 2) когда балаганный шторм окончательно ломает по-

литическую систему, оказавшуюся значительно слабее его и система погружается в окончательный хаос и абсурд (как, например, февральская буржуазная революция в России 1917 г. – хаос власти породил политический карнавал).

В реальной политике подмена традиционных норм морали на их противоположности происходит постепенно и незаметно. В зависимости от преследуемых целей, политика может выдать добро за зло, а ложь представить как истину. Во время карнавал «белое» становится «черным», герой выставляется злодеем, а функции религии выполняет политические идеологии (Тяпин, 2015). Политика двойной морали является лишь следствием утвердившегося в политическом сознании правящих элит норм антиморали.

Таким образом, политический карнавал живет по своим особым «законам», суть которых есть перевернутый смысл законов объективного мира. Для него нет традиции культурного кода. Ему всё можно. Любой запрет воспринимается как посягательства и угроза свободы его эгоцентризма. Серьезно относится к политическому карнавалу значит заведомо переходить на сторону пропагандируемых им ценностей.

Карнавал оперирует несуществующим человеком (в нём оказывается все вымышленным и ложным). Реальный человек в условиях карнавала просто перестает существовать в своем привычном естестве. Он становится несуществующим потому, что участники карнавала вышли из своей объективной реальности и оказались по ту ее сторону. Во время карнавала действительно происходит тотальный отказ от реальности. Объективность становится жертвой активно действующего эгоцентризма. Поэтому абсурд в карнавале норма, а не исключение. Абсурд в качестве серьезного идиотизма способен вытеснить категории объективной реальности на периферию. Абсурд не слышит голоса разума. Любой акт в карнавале приобретает статус фарса. Самые нелепые объяснения и утверждения становятся приоритетными и доминирующими догмами объяснения происходящего.

Еще одной особенностью карнавальной политической культуры является катастрофическое сворачивание (укорочение) коллективной памяти. Карнавальная культура страдает патологической забывчивостью. Забывают, значат, обновляют ситуацию, обнулив все «за и против». Рефлексии нет там, где всё забывают. Карнавальная элита и существует в пределах своей короткой памяти. Оттого и ее тяга к клиповому мышлению, ограничивающего элиту в возможности увидеть перед собой перспективу. Такая элита с трудом различает то, что оказы-

вается у нее под ногами. Заглядывать наперед она физически не в состоянии.

Карнавал всегда заканчивается ритуальным убийством, символизм которого заключается в конце профессиональной карьеры политика, или исторической эпохи, или суда над преступником, побиванием камнями злодея, демонизацией врага. Хоронить сакральную жертву в золотом гробу, значит создавать публике политико-культурную икону, за которой она какое-то время может слепо следовать. Карнавал обыгрывает идею конца – финала чего-либо. Игра в эсхатологию становятся поминками по объективной реальности. Этим карнавал доводит до полнейшего абсурда реальность, порождая тем самым для себя новую параллельную реальность – реальность абсурда, мир иллюзий и фальсифицированных историй.

И еще. *Во время политического карнавала часы истории всегда бьют тринадцать раз, что заставляет усомниться не только в самом тринадцатом ударе, но и во всех двенадцати предыдущих тоже.*

СУБЪЕКТЫ КАРНАВАЛЬНОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Субъектами карнавальной политической культуры являются: *кукловоды* («режиссеры»), *трикстеры* (главные герои, лидеры), «*дурак*» (актив, «элита», рядовые исполнители) и «*зритель*» (публика, массы, толпа). Кукловоды расставляют на нужных местах трикстеров; трикстеры решают, что карнавалом должно быть перевернуто (как уже отмечалось ранее, во время карнавала все переворачивалось вверх дном, противоположности меняются местами: добро становится злом, мужчина превращается в женщину, жизнь – в смерть и т.д., и т.п.), «дураки» всё переворачивают, а «зрители» охотно «хлопают ушами» и восторженно аплодируют. За этим образом скрываются глубокие смыслы политической истории и современного бытия политического театра абсурда.

Как известно, в реальном карнавале его королем становился антигерой (нищий, дурак, трикстер), которому все воздавали королевские почести. Чаще всего «трикстер» (*trickster*— обманщик, ловкач) понимается как «ум без чувства ответственности»; как дублёр или имитация героя; он тот, кто искажает суть процессов, меняя правила игры (поэтому он сам постоянно нарушает существующие правила и законы) (Гаврилов, 2006, стр. 10-12). Умыслы и действия трикстера могут не совпадать. Для него процесс имитации важнее самой жизни.

Как правило, трикстер выступает в роли дирижера карнавала – он может быть кем угодно и когда угодно подменять кого угодно. Трикстер тот, кто отвечает за смену декораций во время карнавала. Именно поэтому он и оказывается в центре внимания карнавальной публики. Причем сам карнавал может распадаться в своей эклектической неустойчивости на отдельные мини карнавальные акты, во главе которых могут возникать свои собственные трикстеры, выдвинувшиеся вперед за счет этой «регионализации».

Смех трикстера всегда циничный и может даже быть жестоким. Трикстер носитель традиции антиморали. Но, погружаясь в его фольклорные истории, публика не относит его смех к действительности, поскольку «победитель прав уже потому, что он побеждает, и сказка нисколько не жалеет тех доверчивых глупцов, которые делаются жертвой проделок шута» (Пропп, 2002, стр. 83). Порой главари карнавала мало чем отличаются от т.н. «опереточных героев», всегда комичных, даже, несмотря на напущенную серьезность.

Ещё одним активным субъектом карнавальной политической культуры является «дурак». В карнавальной культуре «дурак» категория политическая, поскольку не исключает достижения власти и использование её в своих целях. В реальной культуре дураком быть обидно и нежелательно, но в карнавальной культуре дурак логически вписывается в общий контекст событий. В постмодернизме дурак выглядит иначе, чем в модерне. Они те, из кого рекрутируются трикстеры в результате отрицательной селекции.

Такие субъекты политической культуры умеют лишь красиво говорить, но не умеют ничего делать. Поэтому они всегда агрессивно относятся к реальным политикам, которые умеют и говорить, и что-то эффективно делать. Именно эта их эффективность больше всего и раздражает карнавальных политиков. В карнавале декорации играют большую роль, чем сами псевдополитики. Политические артисты призваны оживлять декорации. Они приходят и уходят, а декорации лишь переставляются и обновляются.

Карнавальная политическая культура оценивает пришедших на «политическую дискотеку» политиков, как лиц, готовых выполнить любую прихоть своих кукловодов (олигархических групп). Самим же кукловодам карнавал нужен для того, чтобы показать политическим элитам их истинное место и назвать им их настоящую цену. В карнавале субъект становится многоликим, ибо имеет возможность многократно менять свои мыски и быть одновременно и тем, и этим, и дру-

гим. И чем чаще меняются эти маски, тем интенсивнее жизнь политического карнавала.

Субъекты карнавала весьма охотно провозглашают себя *сверхчеловеком*, обладающим уникальными способностями и возможностями, дающие ему неоспоримое над всеми превосходство. Игра в сверхчеловека предполагает постоянное утверждение того, что только им принадлежит право разделения добра и зла, потому что они являются «светочами разума» и ведут человечество по правильному пути развития. Именно им принадлежит приоритет борьбы со силами зла, которые постоянно вынашивают против них свои черные («адские») замыслы. В реальности подобная *гиперэлитарность* часто скрывает объективное слабоумие субъектов, «размягченные мозги» которых не способны реально контролировать политические процессы. Утверждение, что они *самые лучшие люди мира* приводит к тому, что сам факт их превосходства сводится лишь к тому, что материальное изобилие становится главным критерием их элитарности.

Особое место в карнавальной политической культуре занимают *финансовые фокусники*, искусно манипулирующие с экономическими цифрами и спекулятивными формулами обогащения. Это мир дутых финансовых отчетов, характеризующихся ростом виртуальных изменений реальных показателей. Старая система финансового управления перестала работать, а прежние ведущие идеологии разрушаются на глазах. В этих условиях набирают силу финансовые фокусники, которые свободно жонглируют цифрами и понятиями, главная цель которых подправить и представить в цветущем состоянии пошатнувшуюся пирамиду олигархического могущества.

ВИРТУАЛЬНАЯ КАРНАВАЛЬНАЯ ПОЛИТИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА

Карнавальная политическая культура может формироваться и возникать также на страницах исторической литературы, не выходя в пределы существующей объективной действительности. Классическим примером такой виртуальной карнавальной реальности может служить труды Гая Светония «Жизнь двенадцати цезарей» и книга Прокопия Кессарийского «Тайная история», в которых власти описаны именно в традициях такой смеховой карикатуры. Причем сами указанные авторы прекрасно понимали, что при жизни тех правителей, деяния которых они изображают в столь карикатурном виде, их труды не прошли бы «политическую цензуру» (Прокопий Кесарийский, 1993, стр. 316). Поэтому только задним числом они и могут о

них писать в столь унизительно-издевательском тоне. Но обе эти книги описывают политическую реальность как самый настоящий карнавал, со всеми его классическими категориями и действиями.

Главная идея подобной литературы, показать всем, что абсолютная власть превращает политика в кривляющуюся перед зеркалом обезьяну. В пьесе «Калигула» А. Камю вкладывает в уста своего главного персонажа слова о том, что он жил и правил, «пользуясь властью разрушителя, рядом с которой власть создателя кажется лишь жалким кривлянием!» (Камю, 2014). Для его злодеяний на земле не было судьи. Поэтому он и творит зло безнаказанно. Калигула Камю извратил сущность политической власти до неузнаваемости. У Светония в «Жизни двенадцати цезарей» таковыми «обезьянами» на троне помимо Калигулы, являются еще Нерон и Тиберий. Но если детально разобраться с сущностью политической власти того времени, то окажется что элемент карнавальная политической культуры встречается в дискретном виде практически у всех правителей. Так, например, история царствование российского императора Павла I в политических анекдотах того времени выглядит весьма карнавальной. Император предстает как самый настоящий трикстер, лишенный трезвого рассудка и с искаженным восприятием самого себя. Таким же карнавальным представляли в советской политической истории образы таких политических деятелей, как Г. Распутин, Николай II, А.Ф. Керенский, Н. Махно и др. Изображать их в комическом свете не только разрешалось, но и всячески поощрялось советской пропагандой. Такими же карнавальными персонажами в последствии стали сами руководители Советского Союза (Н.С. Хрущев, Л.И. Брежнев, М.С. Горбачев). Элементы карнавальности обнаруживаются и в истории правления первого российского президента Б.Н. Ельцина, если буквально верит его биографам от оппозиции (А. Коржаков и др.) (Коржаков, 1997).

Очернение противника и демонизация врага выводит черный-PR в разряд карнавальных технологий. Для этого наличие самого карнавала в политической реальности оказывается необязательным, поскольку он касается виртуальной реальности и существует в умах некритически настроенной публики. Так, демонизация образа В.В. Путина является составной частью новой волны русофобии на коллективном Западе (США и ее ближайшие сателлиты), которых не интересует достоверность, а привлекает образ классического «врага из ада», необходимого им чтобы оправдать собственную агрессию и собственные гегемонистические планы.

ПОЛИТИЧЕСКИЙ КАРНАВАЛ ПОВСЕДНЕВНОСТИ

Политический карнавал есть суть «страусинового» поведения политиков, преднамеренно уходящих от объективной реальности в песок параллельной субъективной реальности. Диагноз нашего времени заключается в том, что политический карнавал завладел современными политическими элитами окончательно. Они не желают мириться с серыми буднями, они хотят вечного праздника, имя которому карнавал.

Такое и раньше неоднократно случалось в истории. Особенно в канун каких-то крупных социально-политических потрясений. Поэтому данный случай не уникален, а стандартный в истории революций и государственных переворотов. Именно в канун этих событий политические элиты устраивали себе режим карнавала и начинали жить по каким-то особым, понятным только им одним законам и правилам.

В карнавальной среде ими устанавливался культ пустых слов, бессмысленных научных формул, ничего незначащих обещаний. Никто никакой ответственности не нес. Это была ситуация, когда все оказываются против всех. В принципе карнавал неуправляем, поскольку не является системой и ничего не планирует. Он лишь реагирует на ситуацию, которая постоянно переворачивается и меняет полюса. Карнавал есть режим неопределенности, когда все ненавидят друг друга, когда идет война всех против всех, из-за отсутствия согласия. Именно на данную особенность указывает нам политическая история. И именно нечто подобное мы обнаруживаем, анализируя политическую повседневность современных элит и их лидеров.

Политический карнавал содержит в себе опасные разночтения, на которые его участники предпочитают не обращать внимания, борясь с придуманными вызовами и угрозами. И эта борьба с ветряными мельницами делает их еще более уязвимей перед лицом реальных угроз и реальных вызовов, которые остаются ими незамеченными. *Они пытаются выдать невероятное за очевидное.* В самой карнавальности её участники видят некий «высший смысл» («sur»), критика или отрицание которого воспринимаются ими не просто в штыки, а как подозрение в их некомпетентности и встречном их обвинении в слабоумии тех, кто осмеливается им возражать. Они убеждены, что утверждаемые ими «истины», всем тоже хорошо известны, настолько всем очевидны и общепризнанны, что не нуждаются ни в каких доказательствах. Поэтому они предлагают всем принять их утверждение на веру, поскольку именно они и только они являются хранителями неких «высших истин», доступных лишь для «посвященных». Они искренне

удивляются и возмущаются, когда их утверждение опровергается объективными фактами и доводами логики.

В сущности, своей политический карнавал представляет собой фальшьпанель для тех элитных группировок, которые в основе своей имеют скрытые мафиозные структуры, вполне криминальные цели и агрессивные средства их достижения. Сам факт анархического отрицания властей порождает сумбур социального творчества. Так, в июне 2020 г. в Сиэтле (США) протестующие захватили местный Капитолий и провозгласили образование независимой республики – территории свободной от полиции и местных властей. Начался «праздник непослушания» («лето любви», как выразился один из местных политиков). Уголовные преступления выросли на 300 % (наркотики, изнасилование, грабежи, убийства и т.д.). Власть утратила контроль. Политическая реальность приобрела неконституционные формы. Между властью и взбунтовавшимся обществом ненормальные (карнавальные) отношения. И подобного рода примеров мы можем немало найти на страницах современной политической истории.

В целом культуру политического карнавала мы можем определить как сумму таких приставок, как «псевдо-», «квази-», «лже-», «анти-», «сюр-» и т.д. Политический карнавал стремится обнулить все нормы реальной политики. Для карнавала «ноль» значит больше, чем все остальные величины политической арифметики, потому что в эту пустоту можно вложить какие угодно категории, ценности и смыслы. В этом элиты карнавала видят свое раскрепощение, свою свободу. Они «творят» себя и новый мир, в котором они опять станут главными. Именно утрата прежнего главенства и толкает их на переформатирование мира.

ПОЛИТИЧЕСКИЙ КАРНАВАЛ – ПРИЗНАКИ ХРОНИЧЕСКОЙ БОЛЕЗНИ ПОЛИТИЧЕСКИХ ЭЛИТ И ИХ ЛИДЕРОВ

Карнавальная политическая культура обладает целым букетом хронических «заболеваний»: расстройство идентичности, мании величия, аморализм, волюнтаризм, фальсификация, абсурд, манипуляция, деградация сложного политического многообразия...

У участников политического карнавала расстройство идентичности выражается в самозванстве и в перемене имен (псевдонимов). Если подлинное имя связывает его с объективной реальностью, вымышленное позволяет ему быть тем, кем он хочет на подмостках карнавала. Если имя связывает его с неудачей, то псевдоним – ассоциируется

с успехом. Отрекаясь от имени субъект карнавала становится другим, тем, кто (по его мнению) гораздо лучше (сильнее, умнее и храбрее). И пуская все это достоинство носит мнимый характер, субъекта устраивает эта иллюзия, которая ему дает ощущения превосходства и власти.

Невозможность реализовать свои «наполеоновские» планы в условиях объективной реальности приводят такого субъекта в карнавальную действительность, когда он начинает верить, что сказанные им громкие слова одновременно становятся его делами. Мания величия становится нормой поведения для субъекта политического карнавала. Политический карнавал напоминает собой кунсткамеру, где собраны все политические диковины, возникшие в результате неудачного элитогенеза. Политический карнавал и есть «клуб» отрицательной селекции элит, когда форма (статус) пытается существовать и выживать без должного содержания (личного достоинства). Привилегии становятся целью их существования. Элитарная презумпция превосходства заключается в пренебрежительном отношении к соперникам и в безудержном возвеличивании своих мнимых достоинств.

Политический карнавал - игра без правил. Сами «правила» сочиняются на ходу и меняются по воле главных игроков, волюнтаризм которых граничит с анархией и произволом. Желаемые цели реализовываются без учёта объективных обстоятельств и возможных последствий. Воля оказывается лишена ответственности за свою свободу. Она оказывается настолько произвольной, что начинает чинить произвол, игнорировать объективные ценности и цели в угоду своих субъективных желаний, вводит карнавал в состояние все обостряющегося хаоса, где каждый эгоизм отстаивать только своё.

Еще одним хроническим заболеванием политического карнавала является отрицание и непризнание истории – фальсификация. Фальсификация – это его диагноз. Жить в ином режиме ценностей он просто не может. Элиты считают, что являются монополистами правды и утверждают, что только их вариант правды самый верный. Для того, чтобы очернить политика, надо превратить историю его правления в анекдот. Собственно, так и произошло с царствованием императора Павла I.

Всякому политическому карнавалу предшествует карнавализация политических процессов, когда отдельные его элементы начинают проявляться и концентрироваться в конкретном месте. Карнавализация политики уже проявляется в стремлении отвлечь внимания от острых внутренних проблем за счет актуализации конкретных внешних факторов, которые кажутся для политика наиболее выигрышными.

ми. В таких случаях карнавал становится ширмой, скрывающей собственные серьезные социально-политические проблемы. И подобные истории в новейшей политической истории происходят сплошь и рядом.

В политическом карнавале происходит *деградация сложного многообразия политического мира*. Он упрощается до примитивизма. Такое упрощение (впадение в примитивизм) является следствием профессиональной деградации политических элит и их лидеров. Сам факт их обращения к политическому карнавалу указывает на то, что существовать в объективной реальности они попросту не в состоянии. Объективная реальность враждебная и смертельная для них среда обитания. И карнавал является тем местом спасения, в котором они могут временно укрыться. Карнавальная культура заменяет роман «Войну и мир» на комикс о войне и мире. Подмена известного качества неизвестным суррогатом становится повсеместным явлением. При этом участники карнавала даже не замечают этой подмены, поскольку она становится для них нормой.

Политический балаган разрушает здравый смысл реальной политики. Очевидным для такого типа искаженного сознания становится сур, который они только видят и который только и признают. В политическом карнавале все верят на слово, даже если это полный абсурд. Уровень доверия порой граничит с полной невменяемостью. Доверие рождается из ложного ощущения безопасности (карнавал якобы дает всем своим такие гарантии) заключенного его игроками консенсуса.

* * *

Рассмотренный нами материал, позволяет утверждать, что политический карнавал представляет собой несистемную политическую культуру атомизированного общества, из которого вытравливаются традиционные ценности, вместо которых предлагается некий суррогат, а вместо системы создается самая настоящая химера. Карнавал фактически пересматривает все ценности, разрушая поддерживающие их традиции. Визуально это проявляется в сносе памятников («праздника вандализма»), переписыванием истории (фальсификации), подменой одного культурного кода другим (разрушением традиционного мировоззрения). Политический карнавал есть маркер временного помешательства политических элит, их выход за пределы объективной политической реальности, когда они сами не вверяют в произносимые ими слова, спекулируют своими базовыми идеями и практиками. В

целом, политическая карнавальность есть война против здравого смысла.

Как аномалия политической культуры карнавал показывает нам изнанку (закулиссе) большой политики, знакомит с некоторыми закономерностями неофициальной жизни элит и их лидеров. Сам факт наличия карнавальной политической культуры есть свидетельство декаданса политической системы и ее правящих элит. На всех стадиях упадка мы обнаруживаем в политической истории наличие карнавальной культуры. Поэтому карнавальную политическую культуру мы можем также рассматривать и как упрощенную форму политической культуры, наиболее удобную для ослабевших элитных сообществ, вступивших в период своего упадка.

Список литературы

- Almond, G. (1956). Comparative Political Systems. *Journal of Politics*, 18 (3), 391-409.
- Almond, G. A., & Verba, S. (1963) *The Civic culture. Political attitudes and democracy in five nations*. Princeton N. Y.
- Breton A. (1924) *Manifeste du surréalisme*. Paris: Éditions du Sagittaire.
- Brodskaja, N.V. (2009) *Surrealismus*. New York: Parkstone Press International.
- Garrigues, E. (Ed.). (1995). *Les jeux surréalistes: mars 1921 - septembre 1962*. Paris: Gallimard.
- Robertson, G., Card, S. K., & Mackinlay, J. D. (1989, November). The cognitive coprocessor architecture for interactive user interfaces. In *Proceedings of the 2nd annual ACM SIGGRAPH symposium on User interface software and technology* (pp. 10-18).
- Rosemont, F. (1989). Herbert Marcuse and Surrealism. *Arsenal*, (4), 31-47.
- Аверинцев, С. С. (1992). Бахтин, смех, христианская культура. В М. М. Бахтин *как философ*. (стр. 7-19). Москва: «Наука»
- Аверинцев, С.С. (2004). Классическая греческая философия как явление историко-литературного ряда. В С. С. Аверинцев, *Образ античности*. Санкт-Петербург: «Азбука-классика»
- Бахтин, М. М. (1979). Проблема речевых жанров. В М. М. Бахтин, *Эстетика словесного творчества*. Москва: «Искусство»
- Бахтин, М. М. (1990) *Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса*. Москва: «Художественная литература».
- Гаврилов, Д. А. (2006). *Трикстер. Лицедей в евроазиатском фольклоре*. Москва: «Социально-политическая мысль».

- Дмитриев, А.В., & Сычев, А.А. (2005). *Смех: социофилософский анализ*. Москва: Альфа-М.
- Камю, А. (1990). *Бунтующий человек. Философия. Политика. Искусство*. Москва: «Политиздат»
- Камю, А. (2014). *Посторонний. Миф о Сизифе. Калигула*. Москва: АСТ.
- Карабущенко, П.Л. (2020). Философские корни элитологии. *Вопросы элитологии*, 1(1), 16-44. Doi: 10.46539/elit.v1i1.2
- Колязин, В. Ф. (2002). *От мистерии к карнавалу: Театральность немецкой религиозной и площадной сцены раннего и позднего средневековья*. Москва: «Наука».
- Коржаков, А. (1997). *Борис Ельцин: от рассвета до заката*. Москва: Издательство «Интербук».
- Лихачев, Д. С., & Панченко, А. М. (1984). *«Смеховой мир» Древней Руси*. Москва: «Наука».
- Лосев, А.Ф. (1978). *Эстетика Возрождения*. Москва: «Мысль».
- Пискунова, С. (2008). Исповеди и проповеди испанских плутов. В *Испанский плутовской роман*. (стр. 7–34). Москва: «Эксмо».
- Платон. (1990-1994). *Собрание сочинений в 4 т.* Т. 1-4 Москва: «Мысль».
- Пленков, О. Ю. (2005). *Третий Рейх. Арийская культура*. Санкт-Петербург: Издательский дом «Нева».
- Прокопий Кесарийский. (1993). *Война с персами. Война с вандалами. Тайная история*. Москва: «Наука».
- Пропп, В. Я. (2002). *Проблемы комизма и смеха*. Москва: «Лабиринт».
- Тойнби, А. Дж. (2001). *Постыжение истории: Сборник*. Москва: Рольф.
- Тойнби, А. Дж. (2002). *Цивилизация перед судом истории: Сборник*. Москва: Рольф.
- Тульчинский, Г. Л. (2018). *Политическая культура России: источники, уроки, перспективы*. Санкт-Петербург: «Алетейя».
- Тяпин, И. Н. (9 июня 2015). Национальные идеи стран англосаксонского мира в «плёну» антиморали: итоги эволюции. *Россия навсегда*. Retrieved from: <http://rossiyanavsegda.ru/user/1618/>

References

- Almond, G. (1956). Comparative Political Systems. *Journal of Politics*, 18 (3), 391-409.
- Almond, G. A., & Verba, S. (1963) *The Civic culture. Political attitudes and democracy in five nations*. Princeton N. Y.

- Averintsev S. S. (2004). Classical Greek philosophy as a phenomenon of the historical and literary series. In S. S. Averintsev, *The image of antiquity*. Saint-Petersburg: "Azbuka-classic". (In Russian).
- Averintsev, S. S. (1992). Bakhtin, laughter, Christian culture. In M.M. Bakhtin as a philosopher, (pp. 7-19). Moscow: "Science". (In Russian).
- Bakhtin, M. M. (1979). The problem of speech genres. In M. M. Bakhtin, *Aesthetics of verbal creativity*. Moscow: "Art". (In Russian).
- Bakhtin, M.M. (1990). *Creativity Francois Rabelais and folk culture of the Middle Ages and the Renaissance*. Moscow: "Khudozhestvennaya literatura". (In Russian).
- Breton, A. (1924). *Manifeste du surréalisme*. Paris: Éditions du Sagittaire. (In French)
- Brodskaya, N. V. (2009). *Surrealismus*. New York: Parkstone Press International.
- Camus, A. (1990). *The Rebellious Man. Philosophy. Politics. Art*. Moscow: "Politizdat". (In Russian).
- Camus, A. (2014). *The Outsider. The Myth of Sisyphus. Caligula (collection)*. Moscow: AST. (In Russian).
- Dmitriev A.V., & Sychev A.A. (2005). *Laughter: A Sociophilosophical Analysis*. Moscow: Alpha-M. (In Russian).
- Garrigues, E. (Ed.). (1995). *Les jeux surréalistes: mars 1921 - septembre 1962*. Paris: Gallimard. (In French)
- Gavrilov D.A. (2006). *Trickster. Lyceum in Eurasian folklore*. Moscow: "Socio-political thought". (In Russian).
- Karabuschenko, P.L. (2020). Philosophical roots of elitology. *Issues in elitology*, 1(1), 4-29. (In Russian). Doi: 10.46539/elit.v1i1.2
- Kolyazin, V.F. (2002). *From Mystery to Carnival: Theatricality of the German Religious and Square Scene of the Early and Late Middle Ages*. Moscow: "Science". (In Russian).
- Korzhakov, A. (1997). *Boris Yeltsin: from dawn to dusk*. Moscow: Publishing house "Inter-book". (In Russian).
- Likhachev, D. S., & Panchenko A. M. (1984). *"The Laughing World" of Ancient Rus*. Moscow: "Science". (In Russian).
- Losev, A.F. (1978). *Aesthetics of the Renaissance*. Moscow: "Thought". (In Russian).
- Piskunova, S. (2008). Confessions and sermons of Spanish rogues. In *Spanish rogue novel*, (pp. 7-34). Moscow: "Eksmo". (In Russian).
- Plato. (1990-1994). *Collected works in 4 volumes. Vol. 1-4*. Moscow: "Thought". (In Russian).
- Plenkov, O.Yu. (2005). *Third Reich. Aryan culture*. Saint-Petersburg: Publishing house "Neva". (In Russian).
- Procopius of Caesarea. (1993). *War with the Persians. War with the vandals. Secret history*. Moscow: "Science". (In Russian).

- Propp, V.Ya. (2002). *Problems of Comedy and Laughter*. Moscow: "Labyrinth". (In Russian).
- Robertson, G., Card, S. K., & Mackinlay, J. D. (1989, November). The cognitive coprocessor architecture for interactive user interfaces. In *Proceedings of the 2nd annual ACM SIGGRAPH symposium on User interface software and technology* (pp. 10-18).
- Rosemont, F. (1989). Herbert Marcuse and Surrealism. *Arsenal*, (4), 31-47.
- Toynbee, A. J. (2001). *Comprehension of history: Collection*. Moscow: Rolf. (In Russian).
- Toynbee, A. J. (2002). *Civilization before the Court of History: Collection* Moscow: Rolf. (In Russian).
- Tulchinsky, G.L. (2018). *Political culture of Russia: sources, lessons, prospects*. Saint-Petersburg: "Aletya". (In Russian).
- Tyapin, I.N. (09 June 2015). National ideas of the countries of the Anglo-Saxon world in the "captivity" of anti-morality: the results of evolution. *Russia forever*. Retrieved from: <http://rossiyanavsegda.ru/user/1618/> (In Russian).